

О ФОРМѢ И БОЕВОМЪ СНАРЯЖЕНІИ КАЗАКОВЪ.

Какъ ни поздно прочиталъ я статью „*О формѣ и боевомъ снаряженіи казаковъ*“ (*), но не отвѣчать на нее намъ, казакамъ, было бы грѣшно. Въ статьѣ этой разсуждаютъ о нашихъ интересахъ такъ, что осуществленіе ихъ было бы для насъ очень невыгодно. Пойдемъ прямо къ дѣлу.

Казачья шапка.

Нынѣшнія папахи г. В. Д. признаетъ негодными для казаковъ, даже вредными. Такъ ли это? Авторъ говоритъ, что папахи даны казакамъ съ Кавказа, „но наивѣрное климатическія причины у кавказцевъ и уральскихъ казаковъ неодинаковы“. Отвѣчаемъ: одинаковы, а если и есть разница на Кавказѣ, то именно съ той стороны, которая признана г. В. Д. не въ пользу папахи, т. е. на Кавказѣ жарче и жары продолжительнѣе.

„*Не знаю, почему носятъ постоянно папахи кавказскіе джигиты.*“ Потому, во-первыхъ, что папахи удобны: зимою защищаютъ отъ морозовъ, лѣтомъ отъ жаровъ, а ночью папаху можно положить подъ голову, взамѣнъ подушки; во-вторыхъ, папаха прочна въ носкѣ, такъ что на нѣсколько лѣтъ хватаетъ одной папахи; въ-третьихъ, папахи носятъ не одни джигиты, а все кавказское населеніе, отъ узденей до пастуховъ.

„*Папаха тяжела*“.... Несравненно легче прежняго кивера-мучителя, и легче ничего придумать невозможно, что было бы равно полезно и зимою и лѣтомъ, для строя и для домашней работы.

„*Папаха причиняетъ въ зной приливы крови къ головамъ.*“ Когда были введены у насъ папахи, оиѣ намъ, казакамъ, пришлись какъ не надо лучше, и мы никакихъ приливовъ къ головамъ

(*) „Военный Сборникъ“ 1864 года, № 4.

отъ нихъ не знаемъ и понывъ; длинныя походы съ папахами мы совершали безъ малѣйшей головной боли, и не было примѣра, чтобы отъ папахи у кого закружилась голова. Да полно на дѣлѣ такъ ли бываетъ? Ученый міръ не разъ испыталъ, что практика дурачить теорію. У черкесовъ климатъ много жарче нашего; но они носятъ папахи круглый годъ, а въ жары еще усерднѣе. Въ Вухаріи, Хивѣ, Кожанѣ тоже жарче нашего, а все тамошнее населеніе круглый годъ ходитъ въ такихъ же папахахъ и въ чалмахъ. Ориенталисты говорятъ, что чалмы изобрѣтены арабами именно въ защиту головы отъ вреднаго дѣйствія солнечныхъ лучей. И извѣстно всему міру, что жители Аравіи ходятъ въ чалмахъ, а въ Аравіи ли не жарко? Слѣдовательно, съ этой стороны, папахи не только не вредны, но безусловно-полезны; слѣдовательно, удержать папахи настоятельно нужно. Да и самъ г. В. Д. говоритъ что приливы крови къ головѣ и чувство тягости бываютъ только съ непривычки, а мы, казаки, при введеніи папахъ, и не замѣтили этой непривычки.

На киргизовъ ссылка черезчуръ произвольна. Возможно ли утверждать, что киргизъ имѣетъ мѣховую шапку отъ бѣдности, когда всякому извѣстно, что мѣха составляютъ у киргизовъ капиталную сбытовую торговлю? Отъ бѣдности шить немѣховую шапку всегда легче и дешевле, если зной того требуетъ: легкая шапка можетъ быть сдѣлана бѣднякомъ изъ всякаго матеріала. Какая тутъ бѣдность — носить мѣховую шапку? Богатые же киргизы носятъ лѣтомъ мѣховыя шапки вовсе не изъ щегольства. Зимой нужно прикрыть голову отъ мороза: киргизъ и покрывается мѣхомъ, а богатство даетъ ему только возможность имѣть дорогой мѣхъ. Тутъ причина не щегольство, а морозъ. И лѣтомъ причина мѣховой шапки не щегольство, а жаръ. Для предохраненія отъ зноя легкую шапку можно было бы шить, въ видахъ щегольства, несравненно цѣннѣе, чѣмъ мѣховая шапка. Сказать коротко: киргизы, бѣдные и богатые, носятъ въ лѣтній зной мѣховыя шапки; стало быть, нельзя допустить щегольства одного и бѣдности другаго.

„Глаза не защищены папахою отъ солнца.“ Кавказскіе горцы въ папахахъ стрѣляютъ такъ мѣтко, что позавидуетъ всякій козырекъ. Сколько разъ мнѣ случилось бывать на охотѣ въ папахѣ, и подъ защитою ея глазъ ни разу не соалшивились.

„*Въ дождь папаха становится еще тяжелѣе.*“ Всякая одежда отъ дождя тяжѣетъ, а папаха менѣе другихъ, потому что по длинной шерсти ея дождь скатывается; если же папаха и намочнетъ, то стоитъ только снять ее съ головы и раза два встряхнуть, и дождя какъ не бывало, чего съ другой одеждой сдѣлать нельзя. Папаха высыхаетъ сама собою отъ дѣйствія воздуха скорѣе всякой вещи, и никакого огня для этого не только не нужно, но и не должно, потому что все шѣтковое отъ дѣйствія искусственной теплоты высыхаетъ до ломкости и становится негоднымъ. Предложеніе г. В. Д. сунуть папаху на огонь, да еще на большой, вовсе непрактично. При дождѣ папаха не требуетъ особой заботы, значить она больше полезна, чѣмъ вредна.

„*Въ сухую погоду пыли набивается въ нее множество.*“ Онитъ меньше, чѣмъ въ другую одежду. И съ этой стороны папаха тѣмъ удобна, что стоитъ только тряхнуть ее, и пыли какъ не бывало. Выгнать пыль изъ другой одежды нужно побольше трудовъ.

„*Для укладки ея нужно много мѣста.*“ Въ этомъ отношеніи папаха не только безукоризненна, но достойна полнаго одобренія; она укладкою своею незамѣнима: походомъ и дома ее можно положить куда угодно и какъ угодно, безъ поврежденія. Ночью она отѣивная подушка, днемъ — великолѣпная шапка. Важное удобство для казака походомъ — положить шапку какъ попало.

„*Однообразіе въ папахѣхъ сблоссти трудно.*“ Ничего не можетъ быть легче. Разумѣется, если постройку папахъ представить произволу казаковъ, то однообразія не будетъ, какъ и во всякомъ производѣ. Но если подвести подъ общую норму, то почему же трудно? Слѣдовало бы пояснить эту трудность. Въ 1863 году, по случаю событій въ царствѣ Польскомъ, уральцы выставили два полка, и 1,800 папахъ были какъ одна. Формированіе этихъ полковъ было быстрое.

Главное неудобство папахѣ авторъ находитъ для джигитовки — дѣлать рубку, скакать чрезъ барьеръ, нагибаться и т. п. По тяжести своей, папаха съ головы будто бы падаетъ. Во-первыхъ, неудобство это устраняется подбородниками; во-вторыхъ, обстоятельство это не столько важно, чтобъ опираться на него для уничтоженія папахи. Не надо забывать, что папаха есть парадный головной уборъ: въ военное время казаки несутъ службу и вступаютъ въ бой въ фуражкахъ. Изъ-за плеча ружье

снимается при папахѣ отлично ловко. Это мы видимъ, гѣтомъ, на ученьяхъ каждый день.

„*Башлыкъ на большую папаху надѣвать неудобно.*“ Линейскіе казаки съ давнихъ временъ носятъ папахи и башлыки, и послѣдніе употребляютъ только въ то время, когда на головѣ фуражка; папаха же сама собою защищаетъ голову, отчасти и лицо, не хуже башлыка. Если нужно, въ видахъ экономическихъ, что-нибудь одно отиѣнить, то, конечно, башлыкъ, который при папахѣ лишается своего значенія и является лишнимъ.

„*Лучшимъ доказательствомъ невыгодъ папахи служатъ то, что уральскіе казаки, командируемые на службу въ зауральскія степныя укрѣпленія, папахъ вовсе не берутъ, а имѣютъ только фуражки съ козырьками и бѣлыми чехлами.*“ Во всѣхъ родахъ войскъ, расположенныхъ по крѣпостямъ сырской линіи, головной уборъ; парадный и непарадный, одинъ—суконая форменная фуражка подъ бѣлымъ чехломъ, съ козырькомъ. Папахъ не берутъ съ собою казаки въ степь не потому, что признаютъ ихъ неудобными, а потому, что ихъ брать запрещено. При формированіи казаковъ въ степныя укрѣпленія, что брать съ собою — показывается казакамъ заранѣе изъ Оренбурга, генераль-губернаторомъ, отъ иголки до тулупа. Въ степныя укрѣпленія беретъ съ собою казакъ то, что ему прикажутъ, а не то, что онъ хочетъ. Незнаніе авторомъ такого порядка позволяетъ намъ заключить, что г. В. Д. не былъ въ средѣ уральскихъ казаковъ и порядокъ службы ихъ знаетъ по наслышкѣ: иначе, невозможно было бы высказать столь ошибочное сужденіе.

Рекомендуемая г. В. Д., взамятъ папахи, шапка-татарка дѣйствительно удобна, для обыкновенной носки и для строя; но удобства ея тѣ же, какія и въ папахѣ. Онѣ обѣ складываются безъ хлопотъ вдвое, пластомъ, и укладываются невредимо куда угодно; походомъ съ ними можно обращаться безъ церемоній. Устройство папахи съ шапкою-татаркою рѣшительно одинаковое, съ тою только разницею, что папаха вполне цилиндрическая, а татарка цилиндръ съ куполомъ, или, какъ говоритъ авторъ, *отрѣзъ шара на цилиндрѣ*. Другое отличіе—папаха дѣлается изъ полусакаса, а татарка изъ мерлушки-выкидыша. Но между ними вотъ нѣ чемъ громадная разница: шапка-татарка слишкомъ дорога. Папаха рѣдко обходится казачу въ три рубля; большею частію въ 2 и 2 руб. 50 коп.

Татарка же стоитъ по наименьшей мѣрѣ 6 руб. и доходитъ до 10 р. И это вотъ почему: на папаху полусакасъ берется съ ягнать уральскихъ степей, домашнихъ барановъ, которыхъ уральцы ежегодно обывають внутрь Россіи не менѣе 100,000. Мерлушка же на татарку привозится только изъ Бухары, Хивы, Кокана, чрезъ Оренбургъ, и изъ Персіи моремъ чрезъ Гурьевъ. Ввести татарки вмѣсто папахъ значить увеличить денежный расходъ на сборку. Гдѣ видалъ г. В. Д. что татарка „имѣется чуть не у каждаго казака“? Утверждаетъ, что изъ уральцевъ никто не носитъ татарокъ, развѣ, какъ рѣдкія исключенія, зажиточные казаки. Считаемою обязанностию заявить, что татарокъ у насъ никогда и не водилось въ народѣ; татарки у насъ явленіе новое, занесенное изъ Бухары. Напротивъ; съ незапамятныхъ временъ наши дѣды и отцы носили зимнія шапки изъ черныхъ мерлушекъ цилиндрическія, точь въ точь нынѣшнія папахи, только верхъ обшитъ узкимъ серебрянымъ галуномъ по красному сукну. Такія шапки можно найти и теперь; татарки же носятъ здѣсь одни татары, и то богатые.

Авторъ, находя нынѣшнія кепи очень хорошими, упоминаетъ, что они понемногу заводятся казаками, и выражаетъ надежду, что эта фуражка скоро сдѣлается общею въ домашнемъ быту. У насъ, на Уралѣ, ничего нѣтъ близко на это похожаго. Авторъ заставляетъ насъ быть откровенными больше чѣмъ нужно. Ничто такъ не нравится казакамъ, какъ кепи; увидеть кепи на казакѣ—величайшая рѣдкость; надѣнетъ кепи казакъ развѣ только тотъ, который, какъ говорятъ казаки, отпѣтая голова, *хранцузъ*... „*Она легка, укладиста и красива.*“ Первое неоспоримо: легче трудно что-нибудь придумать; но неукладистость кепи вопіющая. Трудно себѣ представить, чтобъ такая маленькая вещь, какъ кепи, требовала столько хлопотъ и мѣста для сбереженія. Козырекъ, околышъ и верхъ — все это жестко, ломается. Походомъ мы пробовали укладывать кепи въ чемоданъ, въ сѣдельную подушку, даже въ карманъ — вездѣ она была помѣхою и портилась безвозвратно. Второе неудобство самое важное — козырекъ кепи уже слишкомъ горизонталенъ, нисколько не защищаетъ глазъ отъ солнечныхъ лучей. По этимъ неудобствамъ кепи у казаковъ не въ уваженіи. Воля ваша, кепи казаку нейдетъ.

Для удобнаго и дешеваго головного убора намъ, казакамъ, было бы нужно оставить: для парада нынѣшнюю папаху зя-

мою и лѣтомъ; для остальной потребности прежнюю фуражку съ козырькомъ.

Казачій кафтанъ и шаровары.

Изложенное подъ этой рубрикой такъ мало похоже на насъ, казаковъ, что необходимо пройти пунктъ за пунктомъ.

„*Главныя неудобства чекменя—покрой въ обтяжку.*“ Развѣ гдѣ положена форма, чтобъ мундиръ былъ въ обтяжку? Предъ нами лежатъ всѣ положенія о казакахъ, и ничего подобнаго мы не видимъ. Мундиры на нашихъ казакахъ строятъ широкими, во всѣхъ частяхъ свободными. Прошу взглянуть на любого казака на службѣ въ Россіи.

„*У казака руки не имѣютъ ощущенія, чтобъ отыскать крючки и ышлы.*“ Какая же это сила убила въ насъ, казакахъ, чувство осязанія, что мы не можемъ распознать такой крупной вещи, какъ крючекъ съ петлей у мундира? Конечно, въ пальцахъ нашихъ осязаніе не столь тонко, какъ у другихъ, незнакомыхъ съ сѣтми, баграми, лодками и плугомъ съ бороной; но ужъ чекмень-то на крючки застегнуть мы съумѣемъ.

„*Чекмень такого покроя, чтобъ сидѣть не безобразно, долженъ шиться въ обтяжку.*“ А нѣсколько строкъ ниже сказано: „*мундиръ въ обтяжку вовсе не условіе красоты.*“ Это послѣднее, диаметрально-противоположное первому, казаки и взяли правиломъ. По нашему, чекмень только тогда и красивъ, когда онъ не въ обтяжку, во всѣхъ частяхъ просторенъ. Мы такъ и одѣваемся: мундиръ во всѣхъ частяхъ широкъ, просторенъ и, по формѣ, на столько длиненъ, что выходитъ изъ безобразія. Никакой нѣтъ разумной потребности шить мундиръ въ обтяжку.

„*Полы коротки, не защищаютъ ногъ выше коленъ отъ холода.*“ Этому не дастъ и проектируемая стеганка; для этого начальствомъ придуманъ плащъ.

„*При передачѣ чекменя съ одною казака другому, надобно почти все перешивать.*“ Не можетъ встрѣтиться ни малѣйшей надобности, ни дома, ни на службѣ, передавать мундиръ съ одного казака на другаго. Мундиры казаки всегда донашиваютъ сами до нитки, если не въ строю, то дома, на работѣ. И всякая одежда, даже стеганка, съ одного человека неловка другому—кто же этого не знаетъ?

Наши форменные шаровары для насъ очень удобны. Штрипки нисколько не помѣха, напротивъ полезны. Дѣйствительно, наши шаровары надо шить сверху широкими, книзу уже.

Г-нъ В. Д. предлагаетъ „лучше всего казаку постоянно носить шаровары засунутые въ сапоги“. Мы не видимъ къ тому разумной надобности. Изъ голенищъ шаровары станутъ вытѣзать и на конѣ и пѣшкомъ. Безобразія будетъ много, толку мало. Имѣть для этого особые сапоги значить увеличить расходы и безъ того не малые. Отъ лошади же шаровары хорошо защищены сѣдельными тибенками. Прятаньемъ шароваровъ въ сапоги обезобразить казака можно, но выгодъ не выиграешь.

Въ шароварахъ мы находимъ лишними лампасы. Отъ регулярныхъ войскъ казакъ отличается вооруженіемъ и мундиромъ; между собою войска казачьи разнятся другими отличіями. Какъ отличіе, лампасы не важность, какъ красота — еще менѣе, а отиѣна лампасъ, какъ дорогаго приклада (малиноваго сукна), уменьшила бы цѣну на сборы. По крайней мѣрѣ, желательно для уральскаго войска отиѣнить лампасы. Мы держимся принципа — наивозможно удешевить формированіе казака.

„Нынѣшній малиновый кушакъ неудобенъ.“ А мы находимъ его очень удобнымъ. Мы дѣлаемъ это такъ: сначала подтянемъ ремень, на пряжкѣ; потомъ ремень покрываемъ настоящимъ кушакомъ изъ малиновой шерстяной матеріи. Это для парада. А въ обыкновенное время и въ боевое довольствуемся однимъ ремнемъ. И это такъ удобно и прочно, что не только противостоитъ заткнутой пикѣ, но и аркану съ плѣтникомъ. „Кушакъ, какъ есть широкій бумажный кушакъ въ продажѣ“, предлагаемый г. В. Д., уже потому не можетъ быть принятъ, что онъ дорогъ. Къ тому же, онъ во всемъ уступитъ нынѣшнему ременному кушаку.

По нашему, удобнѣе было бы имѣть казаку: нынѣшній чекмень, какъ есть безъ измѣненія, на крючкахъ, но съ непремѣннымъ условіемъ строить его свободнымъ, безъ малѣйшей натяжки во всѣхъ частяхъ. Шаровары безъ лампасъ. Кушакъ для обыкновенной формы — ремень съ пряжкой, для парада тотъ же ремень, а поверхъ его нынѣшній малиновый кушакъ. Нынѣшній плащъ удобенъ.

Вооруженіе казака.

„Неловко вооруженъ въ настоящее время казакъ“: такъ начинается эту рубрику г. В. Д. По роду службы казака внутри имперіи и по назначеніямъ въ арміяхъ въ военное время, правительство иначе насъ и вооружить не можетъ. Въ мирное время, на внутренней службѣ, казакамъ настоящее оружіе не

тягостно, потому что съ нимъ они доходятъ только до мѣста назначенія, а тамъ несутъ полицейскую службу, безъ оружія. Въ арміяхъ же, въ боевое время, казакамъ даютъ иногда такія назначенія, въ которыхъ они безъ ружей ничего не значатъ, напримѣръ на аванпостахъ, въ секретяхъ; но случается казакамъ быть и въ такихъ назначеніяхъ, гдѣ пика играетъ главную роль, напримѣръ когда надо довершить пораженіе опрокинутаго непріятеля. Казаки такъ и должны быть вооружены, чтобъ ихъ можно было употреблять по обстоятельствамъ, чтобы они, по оружію своему, были годны вездѣ. Въ секреты они не берутъ съ собою пикъ, а берутъ одно ружье; дѣйствовать же пикою противъ опрокинутаго непріятеля ружье не мѣшаетъ за спиною. Попробуйте вооружить казаковъ однимъ какимъ-нибудь оружіемъ, и казаки тотчасъ же перестанутъ быть казаками. По нашему мнѣнію, г. В. Д. отрицаетъ пользу пики не убѣдительно. При атакѣ, казачій гикъ, т. е. крикъ, въ моральномъ отношеніи, онъ ставитъ выше пики, и въ примѣръ бесполезности пикъ, при отправленіи казаками службы у насъ на линіи, говоритъ: *„въ конвоѣ съ арестантами, при возкѣ летучки, онъ (казакъ) всегда безъ пики, если начальникъ не доглядитъ“*. Повезутъ казаки арестантовъ не только безъ пики, если начальникъ не посмотритъ, но повезутъ и безъ всякаго оружія, и не всѣ выѣдутъ, сколько будетъ назначено по числу арестантовъ конвойныхъ. Уральскіе казаки — такой народъ. Въ 1864 году, осенью, изъ Генварцевскаго форпоста уральской линіи повезли девять киргизовъ-арестантовъ, довольно важныхъ преступниковъ, и при нихъ было только пять казаковъ: два конвойныхъ и три подводчика, безъ всякаго оружія. Въ шести верстахъ отъ форпоста всѣ арестанты бѣжали, предварительно отколотивъ порядкомъ казаковъ. Чѣмъ же тутъ пика-то виновата? Летучку везти съ пикой — да это верхъ неглупости. Ей и имя-то *летучка* (*), т. е. она должна летѣть, и казакъ скачетъ съ ней сломя голову, съ одной нагайкой, часто безъ сѣдла, а лѣтомъ безъ шинели, въ одной рубашкѣ. Объ оружіи тутъ не можетъ быть и рѣчи. И тутъ пика чѣмъ виновата, что ее хотятъ изгнать? *„И въ степныхъ походахъ случилось мнѣ видѣть, что казаки везутъ свои пики на вьючныхъ повозкахъ.“* А мы видѣли, что и ружья и пашки владѣли въ повозки. Дайте

(*) Нужный конвертъ при особой бумагѣ, въ которой записывается время получения и отправленія конверта, называется летучкою.

волю, казакъ и самъ сядетъ въ повозку со всѣмъ своимъ оружіемъ — такой народецъ. „А когда придется идти казаку въ секретъ или ѣхать чрезъ лѣсъ, пику опять бросить надо.“ Смыслъ увѣрить, что чрезъ лѣсъ казаки съумѣютъ пройти съ пиками, какъ безъ пикъ, а идя въ секретъ, казаки оставляютъ пики на бивуакахъ.

Въ атакѣ лавой или сомкнутымъ строемъ стойкаго непріятеля, послѣ перваго удара, пики дѣйствительно помѣха. Объ этомъ я сейчасъ буду говорить, а теперь скажу только, что и драгунамъ, въ атакѣ пашками, ружья со штыками за спиною мѣшаютъ; но развѣ отсюда слѣдуетъ, что ружья у драгунъ нужно отнять? При Башъ-Кадыкларѣ драгунскіе пикинеры разбили наголову каре стройныхъ визамовъ пиками.

Вопреки мнѣнію г. В. Д., мы находимъ нынѣшнюю пашку удобною; ей недостаетъ только темляка, безъ котораго, по нашему мнѣнію, пашка теряетъ половину своего значенія. Когда казаки атакують пиками сомкнутымъ строемъ или въ разсыпную — все равно, они должны имѣть пашки вынутыми изъ ноженъ и висящими на правой рукѣ на темлякѣ. При нанесеніи перваго удара пиками, они должны мгновенно схватывать пашки, что очень удобно, если пашка виситъ на темлякѣ, и довершить ударъ рубкой. Мы, казаки, давно сожалѣемъ, что этого не введено въ нашъ уставъ. Мы убѣждены, что такая атака будетъ неотразимо сильна.

„Пригонка ружья, сколько надъ ней ни хлопотали, и теперь неудобна.“ Мы находимъ нынѣшнюю пригонку ружья такъ удобною, что лучше выдумать нельзя. „Не будъ пики, ружье удобно было бы надѣвать чрезъ лѣвое плечо, такъ чтобъ ложа была на правой сторонѣ.“ Трудно придумать что-нибудь неудобнѣе. Съ ружьемъ на лѣвомъ плечѣ никакой нѣтъ возможности сѣсть на лошадь, особенно когда на сѣдлѣ вьюкъ. Садятся на лошадь всегда съ лѣвой стороны, потому что такъ ловчѣе и такъ показано въ казачьемъ уставѣ. Лишь только казакъ закинетъ правую ногу чрезъ сѣдло, такъ ложа и упрется во вьюкъ и казакъ упадетъ на землю. Это дѣло испытанное. Линейскіе казаки не имѣютъ пикъ, черкесы тоже, а всѣ имѣютъ ружья на правомъ плечѣ. Да иначе и быть не можетъ.

Относительно вооруженія казаковъ мы находимъ выгоднымъ оставить нынѣшнее вооруженіе какъ оно есть; только къ пашкѣ прибавить темлякъ кожаный. Но было бы полезно, смотря

по тому, куда требуются казаки, для какаго рода службы, назначать и какое брать оружіе. Возьмемъ въ примѣръ два обстоятельства. Въ степныя укрѣпленія на сырской линіи выкомандировывать казаковъ въ полномъ нынѣшнемъ вооруженіи. Во внутреннюю службу, напримѣръ въ Казань, гдѣ казаки исполняютъ одну полицейскую обязанность, было бы справедливымъ посылать казаковъ съ наимвозможно-меньшимъ оружіемъ и непрямымъ безъ пикъ. Жандармы, вмѣстѣ съ ними, служатъ же при однѣхъ сабляхъ. На сырской линіи уральскихъ казаковъ употребляютъ въ дѣла съ такимъ оружіемъ, съ какимъ обстоятельства показываютъ нужнымъ. Умѣнье употребить казаковъ въ дѣло съ потребнымъ оружіемъ всегда будетъ имѣть слѣдствіемъ такіа блистательныя дѣла, какъ дѣло, въ 1855 году, подъ фортомъ Перовскій, подполковника Огарева, и прошлую зимою подъ Иваномъ, въ Туркестанской области, есаула Сѣрова, гдѣ 100 казаковъ выдержали бой, въ теченіе трехъ сутокъ, противъ 10,000 хорошо вооруженнаго войска.

Мы не послѣдуемъ за авторомъ далѣе въ его проектахъ по вооруженію казаковъ. Утомительно дѣлать опроверженія на доводы въ родѣ слѣдующихъ, напримѣръ: казачье сѣдло нехорошо потому, что *„у плохому казака всегда лошадь мѣрита“*. Плохому казаку какое угодно дайте сѣдло, онъ всегда испортитъ спину своего коня: достаточно не выколотить жесткаго потника отъ поту или не досмотрѣть на потникѣ ничтожной камышенки, а особенно въ степныхъ походахъ репья, и спина у лошади будетъ нигуда негодна. Чѣмъ же сѣдло-то виновато, что казакъ плохой? Или: негодно настоящее сѣдло *„потому, что въ сѣдельную подушку казакъ кладетъ вещи и такія, которыя вовсе не полагаются“*. Намъ необходимо только заявить, что сѣдло наше имѣетъ луки не прямыя, торчащія подъ прямымъ угломъ, какъ выдаетъ г. В. Д., а пологія, передняя и задняя, такъ что, когда подушка въ сѣдлѣ, луки совсѣмъ не замѣтны. Отъ нашихъ лукъ вреда никакого нѣтъ. Еще бы опрокинулась лошадь на казака спиною и казакъ остался бы невредимъ! Для такихъ случаевъ, какъ спасительное средство, сѣдло еще не изобрѣтено. Для ѣзды въ самыхъ продолжительныхъ походахъ наше сѣдло такъ удобно, что нѣтъ причины измѣнять его. По удобствамъ нашего сѣдла, многія частныя лица, особенно помѣщики, берутъ наши сѣдла за образецъ.

Г. В. Д. говоритъ: *„Кромѣ того, почти у каждаго казака*

есть старенькій походный мундиръ, для котораго мѣста не будетъ". Потрудитесь взглянуть въ казачій воинскій уставъ, стр. 100, первой части. На сѣдлѣ передній выюкъ составляютъ: плащъ, конская торба и арканъ; задній выюкъ составляетъ чемоданъ, въ которомъ положены мундиръ, шаровары и сапоги. Въ подушку кладется бѣлье, портянки, набрюшникъ, наушникъ, галстухъ, перчатки. Все положено, что слѣдуетъ, и увязано. Въ чемъ же остался казакъ на лошади? Въ запасномъ старомъ мундирѣ, который имѣется не почти у всѣхъ, а положительно у всѣхъ обязательно, подъ названіемъ походнаго мундира.

Впрочемъ, пусть вооружаютъ и снаряжаютъ казака какъ признаютъ нужнымъ. Для казака все равно, какъ его ни вооружать: въ чемъ прикажутъ, въ томъ онъ и поѣдетъ на службу. Есть другія стороны быта казака уральскаго, какъ воина и еще болѣе какъ гражданина, которыя нуждаются въ реформахъ. Эти-то внутреннія реформы важнѣе по своему значенію.

Благовѣщенскъ-на-Амурѣ.
12-го ноября 1865 г.
